

Меня тошнит от любви к этому городу, как всегда тошнило от любви.

То ли дело отношения равнодушного тепла, когда неделями живёшь «котиками», в обнимку, питаюсь из одной тарелки; с необязательным сексом — не сегодня, так послезавтра, с хихиканьем и киношками; когда засыпаешь легко и аж храпя, будто и не принцесса. Думаешь: близость. Думаешь: привязанность. Думаешь: наверное, влюбилась.

Но это только если забыть, как было с другим, в ледяном и потном раю, сильно смахивающим на ад в представлении хороших людей. Когда сколько вместе, столько и не спишь, потому что даже в крайней усталости не можешь расслабиться и потратить часы на сон, пока рядом дышит твоя жизнь — слишком жаль. Когда невозможно съесть ни куска, хотя в желудке давно не было ничего, кроме чужих секретов, но схватывает живот и тошнит при малейшей

попытке. Думаешь: мне бы домой, мне бы по-девичьи нежно поблевать. Думаешь: мне бы уснуть. Думаешь: мне бы туда, где не штормит и нет вертолётот, отдохнуть чуток и обратно.

Но из любви не бывает отпусков, от неё только сразу и навсегда, и не ври, что не знал. Все всё знают, Ромео, и не нужно специальных подпунктов мелким шрифтом. Устал — уехал — потерял. Отложить ничего нельзя, как нельзя приморозить время и юность, чтобы потом достать свеженьким и разогреть.

Так и здесь, душа моя, так здесь. Дай любить тебя, пока мы вместе, пусть тошнит и жара, простыни в поту, песок в тапках, и голодно, потому что душа не принимает ни булочек, ни мяса, а только солёный пот с чужого плеча. Это ненадолго, сколько бы ни собирался, ни рассчитывал, ни хотел — потому что любовь всегда ненадолго. Либо жизнь окажется длинней, либо любовь моя переживёт тебя, и никогда вровень, никогда не будет между нами равнодушного тепла, никогда — просто.

*С любовью к тебе, Тель-Авив,
твоя Марта*

ПРОГУЛКА ТУРИСТА

1

Пока шла вдоль моря, думала, что Тель-Авив безусловно родной город — в том смысле, который вкладываешь в это слово, когда оно возвращается к тебе очищенным от жлобских смыслов. Потому что начинается всё с шансонных интонаций, ну здравствуй, мама рóдная, привет, роднуля, дай копеечку, родненький, «и родная жена не узнала его, проходя мимо нищего старца». Ну или патетика — мой самый родной человек! — тревожащая душным бесцеремонным напором. Но однажды раздражающие ассоциации отшелушиваются и остаётся единственно подходящее слово, чтобы обозначить спокойную, чуть безвыходную близость. Куда я от тебя, куда ты без меня? — да уж найдём, куда. Но всякая перемена будет означать

прежде всего не новую жизнь, а то, что я теперь не с тобой, а ты не со мной.

И вот я надела длинное, почти вечернее, и пошла смотреть на него чуть со стороны, с волнореза на Буграшов*. Там всегда стоит холодный белый стул для рыбака и в шабат бывает относительно тихо. Ну двое суданцев прострекотали мимо, арабская парочка чинно проплыла, вопящие девушки неопределённо гопнической национальности. Но если сесть спиной к морю, лицом к городу, можно снова увидеть его туристическими глазами первых свиданий.

Вообще люблю вспоминать, оказавшись в северном порту, как шла по скрипучей палубе в самый первый приезд. Заскочила в город буквально на час, между Иерусалимом и аэропортом, хитрым маршрутом, которым с тех пор никогда не ездила. В жёлтых штанах я шла по доскам и вообще ни о чём не знала — где я, какая это часть города, всё ли здесь такое и всегда ли. Такой был для меня Тель-Авив, другого могло и не случиться, остался бы городом чая-

---

* Буграшов, Алленби, Кинг Джордж, Дизенгоф, Шенкин — популярные улицы в центре Тель-Авива, на которых расположено множество кафе и магазинов.

чьих французских криков, деревянных настилов и холодного ветра. С мужчинами всегда иначе, смотришь на него впервые и сразу знаешь: сварит он тебе кофе с утра или руки из жопы, а тут ничто совершенно не предвещало. Было только понимание, что не про мою честь вся эта иностранная жизнь, потому что нет более неприсвоимых вещей, чем города у моря, отделённые многими границами, большими деньгами, иноязычием и законами о пребывании. Да и вообще, с какой стати.

Или вот таинственный винный в начале Алленби. Я шла до него необычайно долго от улицы Буграшов, где чаще всего селилась в первые приезды. Уже отчаивалась и думала, что скорей всего примстилась лавочка, но вроде после всех этих геул и хесс* где-то справа. Или нет, или да, или где я вообще? А, вот. Вся стена в бутылках и внизу обычно стоит этот странный чёрный абсент, которого я больше нигде не встречала, на стекле выступают купола, значит, иерусалимский. Огня и магии в нём было больше, чем во многих чешских и французских сортах, кастрированных в пользу европейских законов.

---

* Геула, Хесс, Черниховски, Идельсон — тихие красивые улицы в старом центре Тель-Авива.

Хотела купить перед отъездом, чтобы взять с собой и тосковать в снегах, и надо же было рассмотреть этикетку — Мытищинский винзавод, ООО «Родник», слушайте ваши «Валенки».

Или Кинг Джордж, на которую я первым делом прибежала сразу после самолёта, только въехав в съёмную квартиру и переодевшись. Какая невыносимая экзотика была в смуглой толпе, облезлых фасадах, в ярких цветных пятнах витрин. Я купила там лёгкие серые туфельки, сделанные из вечерних сумерек и дерматина, они были билетом в тель-авивское здесь и сейчас. Казалось, без них ткань реальности ускользнёт из-под ног.

Или яхтенная стоянка на севере: можно пройти по узкому мостику, лечь у воды, где припаркован чёрный полицейский катер, услышать тихий звон такелажа, посмотреть на огни и осознать, что всё-таки прилетела.

Рынок, где знакомые лавочки исчезали, а потом внезапно находились на тех же местах. Единственный обитатель Кармеля*, который никогда никуда не девался, продавец сыра Стас, не знаю, лысый или бритый, остальные позво-

---

* Кармель — знаменитый тель-авивский рынок с ближневосточным колоритом, в отличие, например, от рынка в Сароне, где вполне европейская атмосфера.

ляли себе небрежение к привычной картине мира. Хоп, и не было никогда хлебного лотка на этом месте. Хоп, и снова висят на цепях потемневшие подносы с перчёными булочками, и как можно было не заметить, дважды пройдя туда-сюда.

Странно, что я не помню, как и когда появилась площадь Бялик*, кто мне её показал или сама нашла, не знаю. Просто в один миг она образовалась на карте, в моём сердце, в моей жизни, и вокруг неё уже начал отстраиваться остальной город, теперь не чужой. На неё я пришла и поселилась, а не в Керем а-Тейманим**, где однажды захотела пожить и в самом деле потом немного жила. Но именно в кувшинках возле старой мэрии завязалось первое ощущение родственности места, и потихоньку начало распространяться по улицам, как запах чубушника и франжипани, стекающий по Идельсон к морю.

А теперь я пришла на бугашовский волнорез, чтобы посмотреть на город глазами чужака, не знающего, что в этой кафешке с красной

---

* Площадь с фонтаном возле старой мэрии, одно из самых уютных мест Тель-Авива.

** «Йеменский виноградник», старый квартал Тель-Авива возле рынка Кармель.

подсветкой раньше давали самый честный лонг-айленд* на берегу, а теперь только лемонану**. Что пальмы, похожие сейчас на обгоревшие спички, высадили недавно, и они почти прижились, но в этом году сдались. И что набережную совершенно перестроили. Понятный город сразу слился в облако огней, морских запахов и женских голосов, и с тем я решила вернуться. Бесшумно пошла по бетонному покрытию, но потом перебралась на поскрипывающую деревянную лестницу, чтобы звук моих шагов тоже стал частью городского саундтрека, вместе с шелестом машин, дыханием моря, холодным ветром и чайчыми французскими криками.

2

Я люблю его, и этим всё сказано. Кажется, с первой прогулки в Северном порту, когда я толком не понимала, где нахожусь, а до самолёта оставалось несколько часов. Тогда я улетала в уверенности, что это нельзя повторить,

---

* Коктейль на основе водки, джина, текилы, рома, ликёра и колы.

** Безалкогольный напиток, который есть в каждом кафе — лимон и «нана» (мята на иврите).

но потом раз за разом возвращалась, чтобы однажды приехать насовсем. Теперь я знаю, что можно присвоить самый невозможный город, как и самого свободного мужчину — но только если готова отдать ему взамен часть жизни. Редко какой человек этого стоит, а город — да.

Тель-Авив не только свободный, он освобождающий. Самые замкнутые люди расслабляются и начинают открываться, стоит побродить несколько часов по Флорентину, Ротшильд^{*}, заглянуть в Керем а-Тайманим, выйти на берег. Постепенно понимаешь, что мир не наблюдает за тобой, прищурившись, пытаясь взвесить и оценить — он смотрит на тебя с нежностью, как на любимое дитя, потому что все дети у него любимые.

Быть здесь туристом легко. Не нужно ничего специального, чтобы город раскрылся перед вами. Представьте, вы оказались в центре города, в тапках на босу ногу, в майке и шортах, с магнитной карточкой от номера и некоторым запасом денег. Любой нормальный человек сразу пойдёт к морю. Оно здесь

---

^{*} Флорентин — хипстерский район Тель-Авива; Ротшильд — бульвар, вокруг которого строился Тель-Авив.

чистое, с белым мельчайшим песком, который мгновенно убивает камеры и телефоны. Набережная Тель-Авива тянется на дюжину километров, на берегу есть Wi-Fi и пальмы, под которыми можно сидеть, исполняя зимние мечты.

Потом, конечно же, в центр. Погулять по Йеменскому кварталу, который выглядит как ближневосточный филиал Барселоны. Съесть что-нибудь на рынке Кармель, отправиться на цивилизованный шопинг по Шенкин или на дикий — по Кинг Джордж. Пройти по Ротшильд, посмотреть самую старую и прелестную часть Тель-Авива, увидеть баухаус* и почувствовать некоторое недоумение; полюбить баухаус. Зайти в Неве-Цедек** и обнаружить себя в южной Европе. Добраться до Флорентина, чтобы сфотографировать граффити, и вернуться по берегу в отель.

В другие дни можно поглазеть на башни Азриэли, Северный порт, Яффо, съездить на са-

---

* Баухаус — своеобразный архитектурный стиль, характерный для Тель-Авива.

** Неве-Цедек — первый район Тель-Авива неподалёку от бульвара Ротшильд.

фари в Рамат-Ган*. Через три дня вам покажется, что вы всё примерно поняли про Тель-Авив, через неделю решите, что всё уже здесь увидели. Это специальная иллюзия, которой город приручает человека. Тель-Авив состоит из множества контрастных локаций, за каждым поворотом состояние, запахи и звуки могут полностью измениться. Степанная высотка для миллионеров — низкие картонные домики бедноты, промышленные склады — прелестная американская миссия, арабская улочка — христианский храм, шумная широкая площадь — тихие цветущие дворы. Город подбрасывает вас на ладони, как теннисный мячик, и каждый раз вы взлетаете в иное время, в новую реальность. На Тель-Авив стоит потратить от трёх дней и до половины жизни.

В Сароне** вы узнаете, чем темплеры отличаются от тамплиеров, посмотрите на очень современный и дорогой рынок, хорошенькие магазины и рестораны.

---

* Азриэли — архитектурный комплекс из трёх башен, внутри есть торговый центр и смотровая площадка; Северный порт — модное место для прогулок, концертов и покупок; Рамат-Ган — небольшой город рядом с Тель-Авивом.

** Сарона — исторический район рядом с Азриэли.